

Времени нет и в помине? И юность легко сравнима со старостью, обнимаются они, как весёлые сёстры, и по-топтовски можно зленает старый дуб-богатырь, и переключаются юный нежный соловушка и старая мудрая, уставшая человечки года считать, седая кукушка?..

Но ведь символ это тоже трагический... символ-знак... Кукушка-то — да, нам годы считает... Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?..

Мы плеще этой такой вопрос детьми задавали, залившись хохоча, заслышав её мерные, монотонные, как тиканье часов или удары метронома, вскрики в лесу. Чаща жизни! Всё равно перейдем тебя из конца в конец!

*Варится варено, мелется мелево —
Вечности неустойчивая снедь.*

Елена Крюкова Родиться заново

Размышления о поэзии Виктора Кирюшина

*Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.
Свежей корою затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за рекой?*

*кукушка отвечает
Юному, в неге любви, соловью?*

Виктор Кирюшин в поэзии — и живописец, и музыкант, его мази и штрихи видишь, его музыку, даже тишайшую, слышишь; но звучит в нём, во всей совокупности его творчества, одна могучая нота, и она часто пересиливает всё красочное, строгость церковного хора побеждает любые мирские изобразительные моменты.

Это нота высокой философии. Всякий художник — философ. А основная позиция художественно рождённой философии Кирюшина — и это в стихе тоже видно и слышно, — пожалуй, даже не отдельно взятая нота, а интервал.

Сопражение малого и великого, микромира и Вселенной — и боль суждённого всем ухода с нашей прекрасной, столь измененной-изблёванной-использованной нами, людьми, многострадальной земли.

Консонанс ли этот интервал? Или диссонанс?

*Вселенная без края и конца
Всякая б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхалась у лица
Листок зелёный*

с муравьём на ветке.

Мы носим великость Космоса в себе. Порой эта ноша неподъёмна. Садимся, утыкаясь лицом в ладони. Ах, это уже с нами было! Когда-то! Давно! И вот повторилося... Повторяемость Мира, репризность его, возвращение наше на круги своя — и не только наше, но и Времени самого — как охота разгадать дрожжащую в тумане дней траекторию, открыть, почему Время возвращается, как звери возвращаются на водопой, и вместе с собою возвращает нас...

И мы находим потерянное. И мы изумляемся: почему я про это, наиважнейшее, гибельно забыл!..

И мы спокойно и светло глядим туда, куда вчера глядели с ужасом и отчаянием.

*Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Дажь двигааясь вперёд,
Возвращаешься в обратном.
Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаянья слеза
Не видна во след идущим.*

И мы можем молиться и прощать. Ибо прощение — благодать.

*Снова сгорают в багряном оазисе
Тихие роищи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и прощше.*

*Что там в логу, на ветру трепещи,
Шепчет осина?*

*Время прощать
Даже то, что прощать
Невыносимо.*

Поэт прямо, храбро и печально глядит в лицо смерти. Смерть — не та материя, о которой можно упомянуть походя, вскользь, густо изукрасив речь свою самцетвами эпитетов и восклицаний, беззащитно впадая в глживый, лицемерный пафос. Смерть — то, рядом с чем нужно и можно молчать. Но как быть поэту, тому, кто искусством своим избрал Слово, гордый самосветящийся Логос?

«Умири и возродись» — древний архетип. Умирающий и воскресающий Бог нам о той незапамятной древности всем своим Бытием говорит. И мы не можем не помышлять об этом парадоксальном и, для многих, житейском, бытовом настроенных людей, нереальном пути. И так же будем просить в урочный час: «Отведи от меня чашу сия!».

И так же смиренно и счастливо закрывать глаза, ощущая: суждено, суждено не только уснуть во смертных муках, но и проснуться...
*Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стильные они вдалеке,
Чтобы снова по кропкому лугу
Вышла цапля к остьюшей реке.
Это дерево знает и птица,
И вода понимает, и твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.*

***
Виктор Кирюшин работает с архетипами и работает на архетипах. Почему это так важно? Да ведь это напрямую — работа с основными положениями и всеземной, и родной русской культуры.

Вот идёт в стихах Виктора Кирюшина странник. О, какой архетипический образ для всего русского искусства! Тут и Афанасий Никитин, идущий-плывущий за три моря, и скорбный странник с посохом в «Боярыне Морозовой» Василия Сурикова, и с котомкой кочевой за плечами, прищуривший вдали, молодой Горький, и лирик Родийон Иван Бунина, и повлекшийся за Катюшей Масловой, ставший невольным странником прижизненный заседатель Нехлюдов у Льва Толстого... Паломники, путешественники, скитальцы... Скажите, кому не хотелось кинуть на плечи котому и пуститься однажды в неведомый путь...

*Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безгосых,
В лесах почти что неживых.
Где ливень хлещет, ветер свищет,
Блестают молнии во мгле...
То, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.*

Очень показателен здесь грозовой, не-настный пейзаж. Пространство буйствует, гремит, устрашает.

И — смотрите! Поля — пусты. Они — молчат. Не звучат. Таким бывает не земля — Иномирие. Запредельность. Посмертие.

Но каков и ландшафтный, и образный контраст! Леса странно неживые, а воздух вокруг странника, вся атмосфера, то, чем он дышит, — неистовствует и подражает. А скиталец-то этот, дождями побиваемый, как казнями гологофскими кнутами, бредёт — куда? Ищет — что? Да он и сам не знает! Стремится к незнакомому! К тому, чего на земле никогда не бывало!

К небывалому...
Помните русскую сказку, где царь приказывает Андрею-стрелку: «Поиди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»? Куда пойти? В мир иной. Это значит — за грань жизни. В смерть.

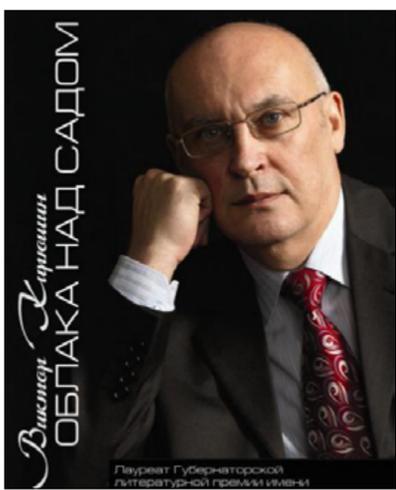
Что там, в посмертии, найти — и принести обратно, в мир живых? Странник, дай нам ответ! Опасно там. Страшно. Необъяснимо. Да надо ли бь-бянять неминуемое?

Да ведь Андрей-стрелок может там, в посмертии, и навек остаться... И — всякий из нас...

Как прекрасно жить! Здесь и сейчас! Жить, быть, дышать! Любить...
*Не уходите, по медлите
чуть у порога,
Не возвращает ушедшего
эта дорога.*

*Прошлое можно
лишь памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть,
к чему невозможно привыкнуть.
Только успеть бы,
свечой на ветру догорая,
Просто обняться
у самого-самого края,
Урубже, за котормй иная обитель...
Не уходите, орузья мои, не уходите!
Что вся наша философия рядом с жи-
вою, горячней любовью?*

Что все наши трагические размышления в виду рыбацкого костра, мерцанья звезд, нежно светящегося в ночной тьме любимого лица?..
*Мне столько в жизни выпало любви!
Ту рекуху вспоминаю и поныне.*

Где молнией мерцали голгави
В предутреннем тумане на стремнине.
Стоял ионь, цвели вокруг луа,
К воде клонились сумрачные ел...
Потом ины были берега,
Водвороты, омуты и мели.
(...)
Жизнь, как река — внезапна и быстра.
А был ли счастья я на самом деле?
Лишь только там, у тихого костра,
Среди земли, как будто в колыбели.
Поверим. Сбережем. Запомним. У сердца понесём. Утешимся. Возрадуем-ся. Восплачем. Помолчимся.
Вместе с большим и светлым русским поэтом Виктором Кирюшиным.

Как известно, бытие ощущается в разных формах, усложнённых и упрощённых, причём в литературе оно отражается от экспериментальных до традиционных, стилистически выверенных подходов, методах подачи материала. И здесь важно отыскать свой способ передать поэтические образы миру, иметь свой особый, отличный от других, голос. Литературно-художественное, духовно-нравственное, историко-культурное измерение поэзии Александра Орлова безгранично. Он искусно балансирует на тонкой грани — между мифом, легендой

движение, развитие жизни, вершится человеческая судьба. Хотя нечто загадочное стоит искать у себя дома и не предавать забвению истоки прошлого: *Но кто она? Истоптанная пахит? Иссохшая от старости тропка? Она покой готова взбудоражить, На ней коряги, ямы, черепя... Она ведёт куда? Кто дал ей право В крутых извилах за собой вести? Она щедря, немелита, и лукава, На ней исцелил войны и вожди.* Александр Орлов опирается на прочную национально-историческую почву

Небесного народа» Людмила Воробьёва и Русь христианская в поэзии Александра Орлова

и правдой истории, — обладая при этом острым публицистическим взглядом на мир. Будучи выразителем подлинного народного духа, поэт и прозаик черпает вдохновение отовсюду, испытывая тягу к самобытной и независимой жизни, к древнему русскому колориту.

Масштабность авторского мышления в новой поэтической книге проявляется выразительно и красноречиво: буквально в первом разделе «В местах небилых» читательскому взору открывается историческая ретроспектива — поэтический космос народного бытования. Философский поиск всегда связан с внутренним преодолением: автор осмысливает национальные корни, чтобы помочь каждому из нас найти себя забытых. Он влечёт неведомый мир, который он непрерывно открывает в своей душе и в метафоричных, насыщенных красках переносит на историческую палитру, тем самым воссоздавая собственную реальность:

*Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней,
и в нас двоих.*

*Она казалась мне вдовой убогой,
Делишей всех на мёртвых и живых.* В глобальной обзорной картине мира дорога — объёмный философско-эпический архетип направления движения и следования. Традиция благочестивых хождений начиналась в стародавние времена. Классический канон русской литературы — пускаться герою, подобно Одиссею, в далёкие путешествия, обретая мудрость. Поэзия, как и жизнь, находится в бесконечном движении, в вечном странствии. Путь — важный пространственный образ, присутствующий народному духу достижения цели, когда вершится

и ставит такую же основательную задачу — подыять родовую генетическую память, стремиться, как это делали древние философы и мудрецы, «очертить настоящее во времени». Огромная панорама вселенной — бесконечная дорога жизни простирается перед ним, уходя далеко за горизонт:

*И я по ней иду — и шаг за шагом
Расстрачиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.*

Лишь три вещи не исчезают на свете: любовь, искусство и память, которая вопреки Эклипсасту не проходит и противостоит уничтожающей силе времени. Русская духовность — это память русско-го народа, переходящая в историческую, культурную память человека как личности. Как тут не вспомнить знаменитые строки «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пелешу,
Любовь к отеческим гробам,
Животворящая святость!
Земля была б без них мертва.* Прежде всего, история побуждает в нас моральную ответственность за свою Родину. Александр Орлов обладает ярко выраженным нравственным взглядом на историю. В его стихах прочитывается глубокий философско-эпический подтекст, видится чёткий графический контур строки, слышится чёткая интонация:

*Мне хлестали дожди
правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был зорек,
Но не верил я в неба унылый показ —
Шёл на свет, как за правдой историк.
И слезливые таины некошеных трав,*

*Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том,
что искатель был прав*

И что все мы с рождения эрезим.

Исторический код русского народа — это сплавные корни. Только погружаясь в седую древность, можно найти ответы и в дне сегодняшнем. Главным средоточием книги «Ожившее солнце» стала Русь: культурное поле, находящееся в ней, — истинное поле Русской земли. Что есть история? Где её истоки? Как зарождалась старозаветная Русь? И тут, пожалуй, художнику-историку, полностью проникну-

тому этим «языческим духом колдовским», нет равных. Настоящая поэтическая мозаика бытосных сюжетов и явлений ещё не раз и удивит читателя, и отзовется в нём восторженным приливом эмоций! Мы словно погружаемся в царство гармонии и свободы, коему предшествовала та длинная интонация, что необходима как в творчестве, так и в предистории начала языческой мощи той неведомой Руси:

*Я пробуждался, понимая: мир — ничей.
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячу лучей...
<...>
И от стогов, небранного жита
На небо возносился русский дух,
Особождённый*

от назойливого быта. Какая-то чудовищная сила всплывает из глубины, и со дна памяти поднимаются образы и картины, обращённые к языческим сказаниям и древним легендам, — те стержневые архетипы, что ошеломляют своеобразием творчества, сугубо индивидуальным оригинальным стилем. Литерический герой путешествует среди двух миров, легко перемещаясь от прошлого к настоящему, словно освобождаясь от давнего заклятья. «Древности вечной священные пни», «тайна, былина, загадка» — длинная цепь ассоциаций — путеводная нить воображения. Стихотворение призвано быть проводником, и оно у Александра Орлова является таковым.

«Полудница» — «грудастая ржица», «Житни» — «краткий полевич», «Жихарь» — «потусторонник», «Хозяин вод» — «повелитель рыб и водяниц», «Хранитель чащоб» — «мрачный лесовик» — это ещё с незапамятных времён персонажи мистиче-

Проблема гаджетозависимости в нашем обществе становится острее с каждым годом, распространяется стремительно и бесконтрольно, подобно опасному вирусу, и захватывает в свои сети всё больше представителей самых разных поколений. О том, как не стать пленником смартфона и сполна ощутить красоту окружающего мира, рассказывает книга Ирины Иваськовой, выпущенная в этом году Санкт-Петербургским издательством «Антология».

Имя Ирины Иваськовой хорошо знакомо читателям «толстых» журналов: её рассказы и небольшие повести публиковались в «Нашем современном», «Сибирских огнях», «Сервере», «Подъёме» и других изданиях, в том числе сетевых «Формаслове» и «Литературе». Всегда филигранно выписанная, умная и образная, психологически тонкая, лирическая и полная сострадания к героям проза автора не раз получа-

Сergey LEVIN

За аватарками совсем не видно лиц

О повести Ирины Иваськовой «Три смартфона и блогер Клик»

ла высокую оценку коллег по перу: Ирина — лауреат ряда престижных творческих конкурсов и обладатель гран-при I Всероссийского литературного фестиваля «Поэзия русского слова».

Кроме того, она успешно пишет рассказы для детей — адресованную дошкольникам и учащимся начальных классов развлекательно-познавательную трилогию о мальчике Тимоше («Здравствуй, Понедельник!», «Тимоша и первокасная бабушка», «Тимоша и поперечный день») читают и любят в разных уголках страны.

«Трёх смартфонах» Ирина Иваськова обратилась к теме, которая беспокоит многих родителей, сталкивающихся с тем, что их детей становится всё сложнее оторвать от экрана смартфона, планшета, ноутбука или компьютера. Интернет располагает тысячами соблазнов: играми, «видосами», соцсетями. Всё сделано для того, чтобы «сёрфить» по страничкам можно было бесконечно.

Ворвавшийся весной 2020 года в нашу жизнь с напором селевого потока коронавирус ещё крепче «подсадил» на онлайн-«иглу» не только детей, которые были вынуждены учиться в школах дистанционно, но и родителей, переведённых на «удалёнку». Но пандемия прошла, а зависимость осталась...

Вот и родители семилетнего Ромки — люди интеллигентные, кандидаты наук, у которых «всякими дипломами и грамотами все стены в квартире увешаны», целевыми днями не отрываються от экранов: в телефонах у них нескончаемая чередой продолжают-ся важные деловые переговоры с коллегами из других городов и даже стран, лекции и семинары. И сын, который практически не расстаётся со смартфоном в ожидании новых роликов от анимационного блогера-хозяка по кличке Клик, получает всё меньше и меньше тепла и внимания. «Видосики» эти незатейливы: зверёк показывает, что будет, если на мяч наедет асфальтоукладывающий каток, или что останется от огурца, сброшенного с восьмого этажа, но Ромке, как и тысячам других подписчиков виртуального персонажа, они нравятся.

Ирина Иваськова использует фантастический приём: в один июньский день родители внезапно оказываются внутри своих смартфонов, реализуя в действительности фразу «сидеть в телефоне». В свою очередь, в наш мир проникают гости из интернета: весельчак Клик и его постоянный соперник в гонке за лайками и комментариями — лис Бискуит.

Ромке и его подруге — смешливой девчонке Наде, для которой путешествия с семьёй всегда приоритетнее любых видеороликов и популярных приложений, предстоит разгадать, как вернуть всё на круги своя: вытащить родителей из виртуального пространства, а компьютерных зверушек отправить обратно в их дивный цифровой мир.

Повесть наполнена мягким юмором — за него отвечают неунывающий и вечный голодный хомяк и сосед Ромы по фамилии Дошечкин, мнительный ворчун, которому всюду видятся происки таинственных недоброжелателей.

Однако при всех своих лёгкости и задоре «Три смартфона» — книга, говорящая с юными читателями на очень серьёзную тему и крайне актуальная именно сейчас, когда эпидемия гаджетозависимости приобретает воистину катастрофические масштабы. Полезна она будет и родителям, которые часто сами не замечают, сколько личного

времени посвящают не живому общению с детьми, а просмотру новостных лент и соцсетей.

Значительный вклад в притягательность книги внесла художник Елена Кураш, создавшая галерею запоминающихся и самобытных персонажей. Блогер-хомяк с его невероятно уморительной мимикой способен обаять даже тех, кто на дух не переносит животных.

Ещё одна ценная особенность издания — написанное от имени Клика послесловие «По-настоящему полезные советы». Здесь можно узнать, как важно беречь зрение при использовании гаджетов, за какое время до сна желательно прекращать компьютерные игры, какие правила вежливости необходимы для общения в виртуальной реальности. Особенно полезны рекомендации по информационной безопасности, которые помогут начинающим пользователям сохранить личные данные и не стать жертвой мошенников. Написанные простым и доступным «хомяковским» языком советы усвоятся намного лучше любых скучных лекций.

И, конечно, лейтмотивом всей повести становится мысль о том, что каким бы притягательным, ярким и волнительным не был мир внутри смартфона, он никогда не заменит реальную жизнь. Понимая это даже цифровой хомяк, который в своём ключевом монологе восклицает: «Тысячи подписчиков — всего лишь имена и крохотные аватарки, я даже не вижу за ними настоящих живых лиц. А ведь каждому из них за пределами смартфона доступен целый мир! А мне, может быть, страшно завидно. Мне, может быть, тоже хочется дружить, и радоваться жизни, и чтобы всё это было со мной по-настоящему, реально!».

Переоценка ценностей происходит и у Ромки, и у его родителей, и даже у балагура Клика, который в итоге делает выбор... А вот об этом лучше узнать в самой повести, скрывающей несколько непредсказуемых сюжетных поворотов.

Хочется пожелать новой книге Ирины Иваськовой успешной судьбы и востребованности у читателей, для которых она, без сомнения, станет и лёгким, полным солнца и тепла летним приключением, и важным уроком, как не потерять себя и не пропасть в Интернете навсегда, как это едва не произошло с Ромкиной семьёй.

самопознания, — бесценные сокровища русской культуры заключает в себе книга «Ожившее солнце». Сквозь исторические эпохи доносится эхо древних традиций, замедленное эхо во времени и пространстве. Слишком давние события — мифологические времена, — неслащно, тягостно, будто песочные часы, перетекающие из прошлого в настоящее и в будущее. У автора проявляется очевидный метафизический феномен к постижению национальных проблем и особенностей русского народа. Не случайно к нему приходит осознание себя, как части целого, православно мира:

*Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне, что в тебе
судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.
<...>
И кажется, что жизнь моя — на две
Разделена, и не стихают встряски.
Подай мне наставления, подкаски:
Мне верится, что мы
с тобой в родстве.*

*Взор пастуха зажгётся — и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух,
Как звали его — Велес или Власий?*

Двойность мира, философская двойственность души — две неразделённые Руси, преодолеваемая сменяющиеся века и эпохи, идущая вперёд. Донное чувство, глубинное чувство родства — главная сближающая сила жизни и поэзии. Христианство открыло канал для творческой энергии древнерусских людей, тогда как в Средневековье путь был замкнут...

...Символично, что книга «Ожившее солнце» начинается с дороги и дорогой завершается, значит — будет продолжение... Солнце — врата в грядущее. Начертать новое и небывалое, оживить традицию — эти столь сложные задачи, надо сказать, автором удачно разрешены. Фридрих Шлегель в разговоре о поэтическом творчестве писал в своих «Идеях» о том, что в основе поэзии он видит бесконечное, а «универсальное нельзя ни объяснить, ни постичь, но лишь открыть и созерцать». А ещё, в нём убеждён Александр Орлов, верить небесной силе огню, от которого подобно древней, взлетевшей ввысь птице Феникс неоднократно возрождалась и Русь, обречённая высотой. Ибо иного пути просто нет:

*В объёмах многоголосых свеч,
Мир предстаёт — широкоплеч...
И слышно, как над нами нами
Царит Желаящий сберечь.*

Пытаясь прикоснуться к великой Книге бытия, Александр Орлов удаётся запечатлеть момент Руси изначальной и уходящей — её тернистый путь от язычества к христианским святыням: от пантеона славянских богов до крушения кумиров. Путь к единению Руси был труден, мучителен был и переход к подлинной вере, не отпуская идолы и жрецы, карая за отречение. Однако необъяснимых вещей на свете нет, иначе зачем писать книги. Типологические пересечения строк, пересечения эпох и судеб — две Руси встречаются у поэта в одном сакральном месте, пронизанном бессмертием:

*Дожди смывают салазы,
Шумят наперевы,
И слушаю рассказы
Под утро мы с тобой.*

*Обытай бездорожем
В заснеженной гряды
На капище Сварожьем
Две веры, две Руси.*

Крепкие словесные мази подчёркивают быстротечность ускользающей реальности. И на великом творческом древе дрожат, но держатся в этот осенний «листобой» последние живые листья, олицетворяя собой вечное таинство жизни, раскрывающееся нам в волшебных прирудах словесности. Необычный образ Руси — торжество её природы, путей и дорог, богатство фольклорно-мифологических явлений и персонажей — то, что всегда останется старинной древней народной мудрости и памяти, мироощущения и

Полная версия на сайте denlitera.ru